
Уютный детектив
Кустод,
или
Смерть в доме корректоров
14
Кв. 14
Дом корректоров
Ул. Печатников, 3
Серия «Красный карандаш»
книга 26

Милана Панова

Кустод или Смерть в доме корректоров

Серия «Детективные истории Нины Платоновой», книга 25

https://litres.ru/74859452
SelfPub; 2026

Аннотация

Нина и Андрей возвращаются домой в ледяной дождь. Подстанция сгорела, квартал без света, а в кармане у Нины латунный ключ с биркой «Кв. 14». Эта дверь на четвёртом этаже их старого «Дома корректоров» за всю жизнь не открывалась ни разу. За ней сидит за пишущей машинкой мёртвая соседка, а в каретке застрял лист на полуслове. Из рукописи её «Домовой книги» вырвана страница 88. Убийца точно знал, что на ней написано. Он не знал только о старой типографской привычке: внизу страницы 87 остался «кустод», первое слово пропавшей. Под столом лежат листы использованной копирки. Нине предстоит прочитать зеркальный оттиск, измерить линейкой пробел между словами и понять, кто из восьми соседей по лестнице живёт среди тайн. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

Милана Панова
Кустод или Смерть в доме корректоров

Кустод, или Смерть в доме корректоров
Серия «Красный карандаш», книга 26

Глава 1. Квартира, которой нет

В Москву мы вернулись в конце января, под вечер, когда небо уже налилось сизой тяжестью, а на проводах повис мокрый лёд, звеневший, как стеклянные бусы. Всю дорогу из Староречья я молчала. Андрей вёл машину, Эклер сидел у меня на коленях, а в кармане пальто лежал латунный ключ с картонной биркой: «Дом корректора. Кв. 14».

— Ты его трогаешь, — сказал Андрей на въезде в город.

— Нет.

— Ты сжимаешь его в кулаке уже полтора часа.

— Это нервное.

— Это улика, Нина. Её нельзя мять.

— Это ключ. Он металлический. Ему всё равно.

Он вздохнул и промолчал.

Скажу сразу, чтобы не путать: наш дом называется «Домом корректоров». Не официально, конечно. Официально это пятиэтажное кирпичное здание тысяча девятьсот трид-

цать шестого года на улице Печатников, дом три. Но весь район зовёт его так, потому что построило его издательство «Заря» для своих сотрудников: наборщиков, верстальщиков, редакторов и, главное, корректоров. Нам с Андреем квартира досталась по наследству от моей бабушки, которая сорок лет вычитывала в «Заре» школьные учебники. Я выросла среди этих стен, знала в лицо каждую ступеньку и каждого соседа. Или думала, что знала.

Потому что квартиры четырнадцатой, по моим детским воспоминаниям, на нашей лестнице не существовало.

То есть, конечно, она существовала. Она была на четвёртом этаже, над нашей: тёмная коричневая дверь с медной табличкой, которую никто никогда не открывал. В детстве мне говорили, что там живёт «одна очень старая женщина, которая не любит гостей». Потом я выросла, уехала, вернулась, вышла замуж, и ни разу в жизни не поинтересовалась, кто она. Это, как я теперь понимаю, и была та самая ошибка, которую автор гранок назвал «не в тексте».

Улица Печатников встретила нас темнотой.

Не просто сумерками, а настоящей, плотной, без единого огонька темнотой: ни фонарей, ни окон, ни вывесок. Лишь где-то в глубине двора горели красные огоньки аварийной машины.

— Авария на подстанции, — сказал Андрей, вылезая и осматриваясь. — Ледяной дождь. Провода не выдержали. Весь квартал без света.

— Надолго?

— Говорят, до утра. А может, до послезавтра.

— Лифт не работает, — сказала я.

— Лифт не работает.

— Четвёртый этаж.

— Третий. Мы живём на третьем.

— А ключ на четвёртый.

Андрей посмотрел на меня.

— Нина. Мы устали. Поднимемся к себе, поставим чайник на газ, поужинаем при свече, ляжем. Утром разберёмся.

— Я не усну.

— Попробуешь.

— Андрей. Он написал: «Она уже у вас дома». Я не могу пройти мимо.

Он молчал секунд десять. Потом взял из багажника фонарь, дорожную сумку, переноску с Эклером, и сказал:

— Тогда идём вместе.

Подъезд был чёрный и сырой, как колодец. Пахло мокрой извёсткой, кошками и чьими-то давно сваренными щами. Мы поднимались по лестнице, и луч фонаря скользил по облупленным стенам, по ржавым перилам, по ступеням, стёртым за девяносто лет до гладких лощин. На втором этаже из-за двери на нас выглянула полоска света, и приоткрылась щель.

— Кто там? — спросил дребезжащий женский голос.

— Свои, Зинаида Павловна, — сказала я. — Нина Плато-

нова. Из двенадцатой.

— Ниночка! — Дверь распахнулась. На пороге в вязаной шали и стёганом халате стояла крошечная старушка, лет семидесяти семи, с седыми буклями и необычайно любопытными глазами. В руке она держала свечу в блюдце. — Ниночка, миленькая, вы вернулись! А мы тут в потёмках. Уже вторые сутки.

— Вторые?

— Вчера вечером погасло. Подстанция. Ледяной дождь. — Она шагнула вперёд и понизила голос. — А вы знаете, что у нас на четвёртом такое творится?

— Что?

— Эмма Львовна не открывает.

— Какая Эмма Львовна?

— Рейн. С четырнадцатой. Вы же знаете.

Я посмотрела на Андрея. Он смотрел на старушку.

— Простите, Зинаида Павловна, — сказал он. — Мы не знаем. Вы расскажете?

— Конечно, расскажу! — Она оживилась, как человек, которому наконец дали слово. — Эмма Львовна Рейн, восьмидесяти одного года, живёт на четвёртом, в четырнадцатой, ещё с шестьдесят второго. Бывшая корректор «Зари». Тихая такая, интеллигентная, всё сидит за машинкой. Печатает. Мы слышим: тук-тук-тук. Уже лет пятьдесят слышим. А со вчерашнего вечера не слышим.

— То есть она перестала печатать?

— Вчера в одиннадцать погасло, она ещё стучала. А потом я уснула. А сегодня утром ни звука. Я постучала. Тишина. Я Валерию Петровичу сказала, председателю совета дома. Он пошёл, дёргал дверь, а она заперта. И запасного ключа у него, говорит, нет. Потерял. Она, говорит, давно не отдавала. Вот мы и ждём.

— Чего ждёте?

— Не знаю, милая. Слесаря. Полиции. Господь знает. А вы вот приехали, может, поможете.

Эклер в переноске тихо, чуть насмешливо мяукнул.

— Спасибо, Зинаида Павловна, — сказала я. — Мы посмотрим.

— Ключик у вас есть?

— Что?

— Ключик. Вы так руку держите, будто что-то зажали.

Я невольно разжала пальцы. Старушка, склонив голову, смотрела с любопытством, как смотрят птицы на блестящее.

— Это просто ключ.

— От четырнадцатой?

Я промолчала.

— Ах, — выдохнула Зинаида Павловна, и в глазах её что-то мелькнуло, не страх, а скорее детский восторг. — Вот оно что. Теперь понятно.

— Что понятно?

— Что вы единственная, кому она могла прислать.

— Прислать?

— Ну так она всегда говорила: «Когда придёт время, я оставлю ключ Нининой внучке».

— Моей… бабушке?

— Нине Фёдоровне. Вашей наставнице.

Я похолодела.

— Нина Фёдоровна не моя бабушка, — сказала я как можно спокойнее. — Она моя наставница. А моя бабушка Валентина Платоновна. Она умерла.

— Ах, Ниночка, — сказала Зинаида Павловна. — Это я перепутала. Старость не радость. — Она улыбнулась виновато и закрыла дверь.

— Нина, — тихо сказал Андрей.

— Я знаю.

— Она сказала: «Нининой внучке». Это значит…

— Я знаю. — Я поднялась на следующий пролёт. — Это значит, что кто-то хотел, чтобы я нашла ключ. Это значит, что Нина Фёдоровна, которая подарила мне красный карандаш «ЗАРЯ. 1936», знала про этот дом и про четырнадцатую квартиру гораздо больше, чем говорила.

— Идём.

Четвёртый этаж встретил нас неровным золотым светом: на подоконнике лестничной клетки горели три свечи в банках из-под огурцов. Площадка была узкая, с четырьмя дверями. Мы остановились у той, что была слева в глубине, коричневой, высокой, с медной табличкой, на которой чья-то рука когда-то выгравировала: «Э. Л. Рейн». Под табличкой,

прибитая кнопками, висела маленькая записка, написанная на тонкой бумаге от руки красным карандашом:

«Нине. Не стучите. Открывайте».

Я поднесла к ней свет фонаря. Почерк был знакомый: тонкий, летящий, с длинными хвостами у «у» и «д». Почерк Виктора Лаврова. Тот же самый.

— Андрей, — прошептала я. — Это тот же человек.

— Или тот, кто его подделал.

— Или Эмма Львовна.

— Нина. — Он взял меня за локоть. — Прежде чем открывать, давай позвоним Серёге. На всякий случай.

— Серёга приедет через полчаса.

— Пусть приедет. А мы пока ничего не трогаем.

— Мы только откроем.

— Нина.

— Андрей. Если там человек, которому нужна помощь…

Он помолчал. Потом тихо вздохнул.

— Хорошо. Открывай. Но войду первым я.

Я вставила ключ в замочную скважину. Он вошёл мягко, как в масло, и повернулся с тихим, музыкальным щелчком. Эклер в переноске тихо, предостерегающе зарычал.

Дверь отворилась.

Глава 2. Эмма Львовна

Первое, что я почувствовала, был запах: тёплый, сухой, пыльный, пахнущий бумагой, кожей, лавандой и чем-то

неуловимо печальным, чем пахнет в домах, где давно живёт одиночество. Потом свет. Андрей вошёл первым с фонарём, и луч выхватил из темноты узкую прихожую, обитую тёмными обоями, вешалку с одиноким плащом, телефонный столик, старый чёрный аппарат, зеркало в рамке красного дерева.

— Эмма Львовна! — позвал он негромко. — Это полиция! Вы дома?

Ответа не было. Было только тиканье где-то глубоко в комнатах: тяжёлое, размеренное, как биение огромного сердца. Часы.

Мы прошли по коридору. Слева кухня: чистая, пустая, с кружкой на столе. Справа ванная. Прямо гостиная, а вернее кабинет, потому что в ней не было ни дивана, ни телевизора, только книги. Книги на стеллажах от пола до потолка, книги в стопках на подоконниках, книги на полу. И посреди комнаты, у окна, письменный стол, и за столом, на деревянном стуле с высокой спинкой, сидела женщина.

Она сидела прямо, чуть откинувшись, положив левую руку на клавиши старой чёрной пишущей машинки «Москва». Правая лежала на коленях. Голова чуть склонилась к левому плечу, будто она на секунду задремала, задумавшись над строкой. Седые волосы собраны в узел, очки на цепочке на груди, серая шерстяная кофта, клетчатый плед на коленях.

Я сразу поняла по тому, как застыла эта поза, что она не дремлет.

— Нина, не подходи, — сказал Андрей тихо.

Но я уже подошла. Потому что у неё на виске, над самым ухом, в седых волосах, темнело что-то, чего не должно было там быть: тёмное, слипшееся пятно. И рядом, на полу, у ножки стула, лежала раскрытая школьная тетрадь в клетку, испачканная чем-то бурым.

— Это… — начала я.

— Знаю. — Андрей присел на корточки, коснулся пальцами её шеи, потом запястья. Выпрямился. — Холодная. Давно. Часов восемнадцать-двадцать, не меньше. Окоченение уже проходит.

— Значит, с позавчерашней ночи.

— Вчера. Около полуночи, по словам соседки.

— Удар?

— Тяжёлым предметом. По виску. Видимо, один. — Он осторожно повернул её голову и посмотрел. — Орудие должно быть тяжёлое, гладкое, с округлым краем. Не топор, не молоток. Что-то вроде… — Он осмотрел стол. — Стой.

— Что?

— Посмотри на стол. Видишь, что здесь не хватает?

Я осмотрела. Письменный стол старый, дубовый, с зелёным сукном. На нём стояли чернильница, стакан с карандашами, лампа под зелёным абажуром, настольный календарь, стопка машинописных страниц, придавленная сверху пустой подставкой, мраморной, с углублением посередине.

— Подставка пустая, — сказала я. — Для чего она?

— Для пресс-папье. Была какая-то тяжёлая штука. Или две. Вот след.

Он показал на сукно. В круглом углублении подставки остался чуть заметный отпечаток: гладкий, выпуклый, овальный, словно кто-то вынул оттуда шар или яйцо.

— Пресс-папье, — повторила я.

— Скорее всего, оно и было орудием.

— Его унесли.

— Да. Кто-то ударил, взял оружие и унёс.

Я отвернулась. Я не могу долго смотреть на мёртвых, хотя за последние годы видела их больше, чем положено корректору. Мой взгляд ушёл в сторону, по стенам, по полкам, по корешкам, и вдруг остановился на фотографии, висевшей над столом в простой чёрной раме.

На фотографии были четверо молодых людей в светлых рубашках, на фоне типографского станка. Лет двадцати пяти-тридцати. Двое мужчин, две женщины. Слева улыбающаяся рыжеволосая девушка, очень похожая, как мне показалось, на молодую Эмму. Рядом высокий, тонкий мужчина в очках с острыми скулами и спокойным, чуть иронично прищуренным взглядом. Чуть дальше женщина с тёмными волосами. И крайний справа, коренастый, с густыми бровями, смотрел прямо в объектив.

Под фотографией стояла подпись, сделанная от руки белыми чернилами: «Заря, 1971. Коллектив корректорской. Э. Р., В. Л., Н. Ф., Б. Л.».

— Андрей, — сказала я чужим голосом. — Подойди.

— Что?

— «В. Л.».

Он подошёл, посветил на подпись.

— Виктор Лавров?

— Скорее всего.

— А «Н. Ф.»?

— Нина Фёдоровна.

Я смотрела на молодую тёмноволосую женщину, стоявшую между Эммой и Лавровым, и не узнавала в ней своей наставницы: той строгой, сухой, чуть насмешливой старухи, которая когда-то вручила мне красный карандаш. Но в изгибе подбородка, в посадке головы было что-то неуловимо знакомое.

— Они все работали вместе, — сказала я.

— Видимо.

— Нина Фёдоровна никогда мне об этом не говорила.

— Нина. — Андрей положил руку мне на плечо. — Мы поговорим об этом потом. Сначала нужно вызвать Серёгу. И никого не пускать.

Он достал телефон. Связь, как ни странно, была: мобильные вышки работали от аккумуляторов. Он набрал номер, и пока говорил: коротко, спокойно, по-деловому, я подошла к столу. Машинка стояла передо мной, чёрная, массивная, с белыми круглыми клавишами и поблёскивающими никелированными рычагами. В каретку был вставлен лист. Я на-

клонилась. Страница почти полностью напечатана: ровные строки, поля, абзацные отступы. В верхней части, в правом углу, стояло: «Стр. 91». А последняя строка, оборвавшаяся посередине слова, была такая: «…и тогда выяснилось, что ни одна из этих бумаг не была под-».

— Она печатала до самого конца, — тихо сказала я.

— Что?

— Она не закончила слово. «Под…» Подписана? Подделана? Подложена?

— Нина, ничего не трогай.

— Я не трогаю.

Рядом с машинкой лежала стопка страниц, придавленная пустой подставкой. Я прочла верхний лист, не касаясь его, наклонившись. Заголовок: «ДОМОВАЯ КНИГА. Хроника дома № 3 по улице Печатников, 1936–2026. Том первый».

— Она писала хронику дома, — сказала я.

— К юбилею, наверное.

— К девяностолетию. Мне Зинаида Павловна когда-то говорила, что совет дома собирается отмечать.

— И решил, что хроника поможет кому-то.

— Или помешает.

Эклер, которого Андрей выпустил из переноски, неслышно обошёл комнату. Он остановился у стола, потёрся о ножку стула, на которой сидела Эмма Львовна, чихнул и вдруг, глядя вниз, медленно, торжественно, как делает только он, лёг на пол и вытянул лапу под стол.

— Нина, — сказал Андрей. — Он нашёл.

Я опустилась на колени. Под столом, в тени, лежал маленький белый обрывок бумаги, не больше половины ладони. Я достала пинцет, который по привычке носила в сумочке, подцепила его и поднесла к свету.

Это был клочок линованной бумаги с неровным краем, оторванный от какого-то листа. На нём тонким, ровным, машинописным шрифтом было напечатано всего два слова, обрезанных по краям: «…ом не хватило…».

— Часть страницы, — сказала я. — Её вырвали из рукописи.

— Какой?

— Не знаю. Но тот, кто вырвал, спешил: клочок оторвался.

— Нина, — сказал Андрей. — Положи в пакет. Это улика.

Я положила. Руки у меня дрожали. Потому что в этот момент я увидела то, чего не видела раньше: рядом со стопкой страниц, на самом краю стола, лежал маленький белый конверт. На нём красным карандашом было написано всего три слова: «Нине. Если не успею». И почерк на этот раз был не лавровский. Круглый, ровный, чуть наклонный, как почерк человека, всю жизнь выводившего корректорские знаки. Почерк Эммы Львовны Рейн.

Глава 3. Серёга

Сергей Викторович Лукьянов, которого в нашей компа-

нии все звали просто Серёгой, приехал через двадцать пять минут: в чёрной куртке, с мокрыми от ледяного дождя плечами, в сопровождении двух оперативников и эксперта с тяжёлым металлическим чемоданом. Он вошёл в квартиру, постоял минуту, оглядывая комнату, потом тихо, почти не размыкая губ, сказал:

— Опять.

— Что опять? — спросил Андрей.

— Опять я приезжаю в место, где ваша жена уже всё нашла.

— Я ничего не нашла, — сказала я. — Мы просто открыли дверь.

— Чем?

— Ключом.

— Откуда у вас ключ?

— Мне его подарили.

— Подарили, — повторил он. — Нина Сергеевна, вы единственный человек в Москве, которому дарят ключи от квартир с трупами.

— Я не просила.

— Конечно, нет.

Он надел перчатки, подошёл к столу, наклонился над Эммой Львовной и долго молчал. Потом выпрямился.

— Здравствуйте, Эмма Львовна, — тихо сказал он мёртвой женщине. — Простите, что так.

Это было странно и трогательно. Серёга, большой, шум-

ный, нескладный человек, который вечно ел на ходу и ронял на форму крошки, вдруг стал совсем другим: тихим, собранным, внимательным.

— Эксперт, — сказал он. — Работайте. Осмотр, отпечатки, образцы. Особенно по столу и по пишущей машинке. Андрей, что у вас?

Андрей коротко изложил: время смерти около полуночи, удар по виску тяжёлым округлым предметом, предмет, вероятно, пресс-папье с мраморной подставки, унесён. Дверь была заперта на замок, замок цел, ключ у Нины.

— Один ключ?

— Был один у Эммы Львовны, — сказала я. — Лежит в кармане её кофты. Мы видели.

— Второй у вас. Третий?

— У председателя совета дома, говорят, был запасной. Но он утверждает, что потерял.

— Кто председатель?

— Грач Валерий Петрович.

— Позовите.

Через пять минут на пороге появился Валерий Петрович Грач: плотный, лысоватый шестидесятиоднолетний человек в военной куртке без погон, с седыми усами щёткой и суровым, непроницаемым лицом интенданта, которому только что объявили ревизию. Он вошёл, посмотрел на тело, быстро, коротко отвёл глаза и сказал басом:

— Беда.

— Валерий Петрович, — сказал Серёга. — Вы председатель совета дома.

— Двенадцать лет.

— Ключ от четырнадцатой у вас был?

— Был. Давно. Потерял. В девяностых.

— В девяностых?

— Да. Эмма Львовна просила хранить, я хранил. А потом, при переезде в новую каптёрку, потерял.

— Новую каптёрку?

— Подвальную. Там у нас склад ключей, инструментов, запасных замков. Я всё записываю. — Он потёр ладонью лоб. — Но тот ключ, видимо, завалился.

— Вы искали?

— Искал. Не нашёл.

— Валерий Петрович, — сказал Серёга. — Когда вы последний раз видели Эмму Львовну живой?

— Позавчера, около шести вечера. Она спускалась забирать почту.

— Говорили?

— Здравствуйте, здравствуйте. Больше ничего.

— А вчера?

— Вчера, когда погасло, я ходил по квартирам с фонарём, проверял жильцов. До неё не дошёл: на лестнице темно, ноги не держат. Решил, что она спит.

— То есть к ней не заходили?

— Нет.

— Ни в дверь не стучали?

— Стучал утром, часов в десять. Не открыла.

— И вы не взломали дверь?

— Я председатель, а не слесарь. И потом, мало ли… человек в годах… Может, ушла к подруге.

— Вы знали, что она никуда не выходит.

Грач поджал губы.

— Знал.

— Тогда почему не вызвали слесаря?

— Вызвал. Слесарь приедет завтра. Свет… всё нарушено. Вы же понимаете.

Серёга сделал пометку в блокноте и отпустил его. Следующей он вызвал Зинаиду Павловну Куликову, которая вошла, прижимая к груди блюдце со свечой, и с порога заговорила так быстро, что Серёга вынужден был поднять руку.

— Зинаида Павловна, я понимаю, что вы наблюдательная.

— Очень! — призналась она. — У меня в глазок вся лестница видна.

— Расскажите, кто и когда проходил вчера вечером.

Она села на предложенный стул, поправила шаль и с видимым удовольствием начала:

— Значит, так. Вчера около шести вечера Валерий Петрович вернулся с ключами. В семь Лариса Эдуардовна с четвёртого, с тринадцатой, поднялась. В восемь пришёл внучатый племянник Эммы Львовны, Артём: он, понимаете, приехал из Новосибирска, поговорить про квартиру. Эмма Львовна

ему открыла, они сидели часа два. Потом он ушёл, в десять. На лестнице попрощался с Борисом Ильичом, он как раз выходил с мусором. В одиннадцать погасло. Потом все сидели по домам. Только ночью, часа в два, я слышала шаги.

— Чьи?

— Лёгкие. Быстро-быстро вверх по лестнице. На четвёртый.

— А вниз?

— Вниз не слышала.

— Вы видели, кто это?

— Нет. Свечу не взяла.

— А утром?

— Утром, как рассвело, я вышла. На лестнице уже стояли: Ларочка, Борис Ильич, Янчик, Валерий Петрович. Все решали, что делать.

— Все были на месте?

— Все.

— А Артём?

— Артём ночевал у знакомых. Утром пришёл, сказал: «Я хочу видеть тётю». И заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.